

An illustration of two young boys and a dog in a park at night. The boy on the left has blonde hair and wears a striped shirt and red overalls. The boy on the right has brown hair, wears a white sailor cap, a striped shirt, and black shorts. They are standing on a green lawn, with the boy on the right whispering into the ear of the boy on the left. A grey, shaggy dog sits on the grass to the right, looking up. In the background, there is a yellow swing set, a white picket fence, and a red house with white polka dots and a small red and yellow tower. The sky is dark green.

Э. ЦЮРУПА
УЛИЦА
ЗЕЛЁНАЯ

Д

Наша марка (Детская литература)

Эсфирь Цюрупя

Улица Зелёная

Издательство «Детская литература»

1978

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Цюрупа Э. Я.

Улица Зелёная / Э. Я. Цюрупа — Издательство «Детская литература», 1978 — (Наша марка (Детская литература))

ISBN 978-5-08-005570-6

Герой повести Э. Я. Цюрупы — мальчик Матвей, который живёт на даче вместе с прабабушкой, прадедом, петухом Вельзевулом и псом Гамбринусом. Матвей дружит с ребятами из соседнего детского сада. Но прабабушка не отпускает его к друзьям. Что же предпринять Матвею, как убедить Прабашу и прадеда в том, что ему нужно ходить в детский сад? А тут ещё в посёлке появился браконьер, который хочет сшить себе беличью шапку. Матвей, услышав выстрелы, не раздумывая, отправляется спасать белок. Для младшего школьного возраста.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-08-005570-6

© Цюрупа Э. Я., 1978
© Издательство «Детская литература», 1978

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	25
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Эсфирь Цюрупа

Улица Зелёная

Глава 1

Отдельный мальчик

- Не-а, – сказал Матвей.
- Не хочу, – сказал Матвей.
- Не буду, – сказал Матвей.

Он отодвинул простоквашу и стал выкарабкиваться из-за стола. Прабабушка поскорей сунула ему в карман печенье: всегда ей казалось, что он бежит голодный. В никелированном чайнике он встретил своё отражение – оно расплзлось и строило рожи. Матвей показал ему язык. Пёс Гамбринус, приметив, что свисавшие со стула мальчишеские ноги уходят, встал на свои четыре короткие лапы и отправился следом.

Прабаща сказала решительно:

– Нет! Пусть приезжают родители или дед с бабкой и воспитывают его. А то они все где-то порхают, а я тут мучайся с ним. Я всего только прабабка – четвёртое поколение!.. И плюшку

он не съел! – трагически провозгласила она и, выпустив прямо в абажур клубы дыма, ткнула сигарету в пепельницу.

Схватив полотенце, она стала вытирать клеёнку такими решительными кругами, что прадед предпочёл забрать свою газету и перебраться в качалку.

– Подбери свои длинные ноги: я спотыкаюсь о них, – ворчала прабабушка. – Тебе хорошо, ты целый день сидишь наверху, в своей светёлке, со своими ископаемыми шмучками, а я тут с ним... Вылезешь ты, наконец, из своей газеты?! – раскипятилась она.

– Во-первых, что за «шмучки»? – Прадед невозмутимо опустил газетный лист на колени. – Вечно ты употребляешь слова, которых не существует. Во-вторых, перестань дымить как паровоз. Не отравляй окружающую среду и своё сердце. В-третьих, ты же отлично знаешь: его родители не порхают, а работают. У нас, у археологов, летом самый полевой сезон. Ты же помнишь, я всегда уезжал летом: зимой раскопки не ведутся. В-четвёртых, нашим с тобой детям – его дедушке и бабушке – тоже надо когда-нибудь отдохнуть от своего внука. И хорошо, что они поехали в санаторий, им же нужно возвратиться в Ленинград, выйти на работу. В-пятых, – сказал он вдруг особенно громко, – не хватайся за чайник: он тяжёлый! – Прадед выкарабкался из качалки и сам отнёс чайник на кухню. – В-шестых, – продолжил он, – я не вижу катастрофы: не съел простоквашу сейчас – съест потом. – И прадед опять уткнулся в газету.

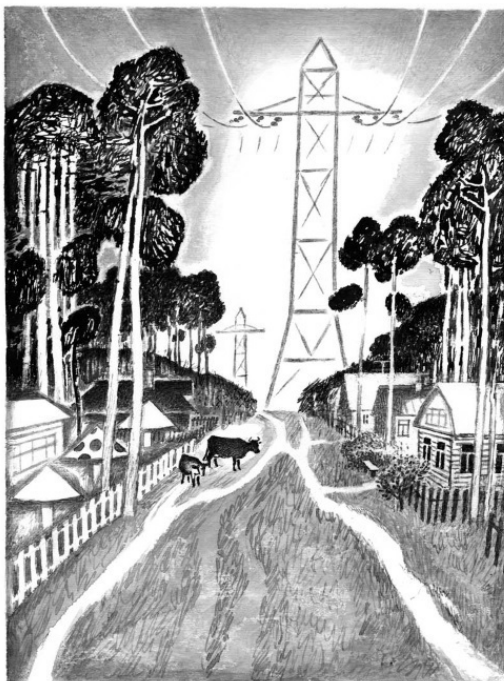
– Но он опять ушёл туда-а! – простонала прабабушка.

– Ну и что? – спокойно спросил прадед.

Матвей слышал их слова на лету. Он как раз спрыгнул с террасы через все четыре ступеньки, приземлился на дорожку и заскакал к калитке.

Из кустов выскочил петух Вельзевул и припустился за ним. Но Вельзевула на улицу никак нельзя выпускать: он там передерётся со всеми соседскими петухами. И Матвей живо закрыл за собой калитку и запер её на вертушку. Ну, вот теперь он на улице Зелёной.

Эта широченная улица когда-то давно была просекой в сосновом лесу – её прорубили для мачт высоковольтной линии. Эти мачты-великаны и сейчас несут высоко в небе на своих железных плечах натянутые провода.

В непогоду Матвей слушает, как в переплётах мачт гудит ветер, а в грозу они ловят молнии на себя, и прабабушка сказала, что поэтому дачам, которые выстроились по обе стороны просеки-улицы, не нужно никаких громоотводов.

Вот на этой широкой улице Зелёной, на даче номер 22, он и живёт, этот самый Матвей, человек шести лет. Он приезжает сюда на лето из города Ленинграда, где проводит всю долгую зиму со своими мамой, папой, дедушкой и бабушкой. Но про это сейчас можно не рассказывать – некогда! Уже прабабушка прокричала с террасы вслед: «Мотенька, Мотенька, не ходи туда!», уже длинный пёс Гамбринус, обогнав Матвея, пронёсся на коротких лапах к калитке, и там, на улице, весёлая дудка уже гудит настоящую флотскую побудку:

Вставай, вставай, браток,
Пропел уж петушок!

И слышен топот, глухой и частый, будто сыпят картошку из грузовика. Но Матвей знает: это стучат по земле бегущие ребячьи ноги. Все бегут! Сейчас начнётся утренняя зарядка!

По правде говоря, эта зарядка Матвея вовсе не касается. Детский сад делает гимнастику на той стороне улицы, на зелёной траве, возле своего забора. А Матвей на своей стороне каждое утро выходит за калитку вместе с Гамбринусом. Они садятся на скамью и смотрят сквозь ветки бузинового куста.

– Раз-два, три-четыре, раз-два, три-четыре! – командует воспитательница Зоя Петровна.

Она приседает – и все приседают. Она встаёт – и все встают. Только один беленький мальчик в кудряшках часто задумывается и продолжает сидеть, потому что разглядывает на земле какой-нибудь цветок или жука, а когда он встаёт, все уже опять приседают.

– Дёмочкин! Заснул?! – кричит воспитательница. – Раз-два, прыгаем!..

Эти прыжки – ноги врозь, ноги вкрест – Матвей любит больше всех упражнений. Он тоже хочет прыгать. Он так сильно хочет прыгать, что ноги не стоят на месте: в них будто завелись пружины и подбрасывают его в воздух. Но стоит ему скакнуть, как Гамбринус принима-

ется на него лаять. И весь детский сад оборачивается, и перестаёт прыгать, и хором, не в лад говорит: «Какая собачка!.. Длинная, лапы короткие... А морда бородатая...»

Строгая воспитательница Зоя Петровна сердито дудит в дудку, чтобы установить порядок, и кричит через улицу Зелёную:

– Отдельный мальчик! Не мешай! Дёмочкин и Панков, не оборачивайтесь! Дёмочкин! Опять задумался? Раз-два, прыгаем!..

Матвей обижается. Кому приятно быть отдельным мальчиком? И что же, он не имеет права прыгать на своей стороне, да ещё за кустом?

Вчера он нарочно не взял с собой на улицу Гамбринуса. Огорчённый пёс стоял на участке, уткнув бородатую морду в щель забора, наблюдал внимательно и всё равно залаял, когда Матвей скакнул. Детский сад тотчас повернул все свои тридцать голов, и все они стали спрашивать: «А где длинная собачка? Собачка где?» И Зоя Петровна опять дудела в дудку и кричала: «Отдельный мальчик, не мешай!» Как будто это он лаял.

Сегодня Матвей с Гамбринусом больше не прыгают и не лают. Сидят молча на скамейке и смотрят. Оттого что нельзя прыгать, Матвей сердитый, нахохлился, как воробей в непогоду.

А погода, наоборот, хорошая. Светит ясное солнце. Бузиновый куст раскрыл белые зонтики цветов. Вся улица Зелёная – золотая от одуванчиков. Они всегда раскрываются утром, а вечером закрываются, и улица опять делается зелёной. А потом – это все знают – одуванчики станут седыми, от них полетит пух. Но сейчас они ещё не поседели, потому что самое начало лета и всё вокруг яркое, как картинки, которые рисуют ребята в детском саду. Небо синее, трава зелёная, цветы жёлтые и красное-красное платье на длинноногой девочке Лане. Матвей знает, как рисуют в детском саду. Каждое воскресенье рисунки ребят вывешивают на заборе для родителей, которые приезжают в гости. И Матвей тоже ходит смотреть. Рисунки Матвея тут никогда не вывешивают, потому что он отдельный мальчик.

И вот он сидит за бузиновым кустом совсем один.

Зоя Петровна перестала дудеть в дудку, теперь она бьёт в бубен:

– Раз-два! Все за Ланой! Шире шаг! Шире круг!

И все стали ходить быстро по кругу огромными шагами, и Матвею сделалось нестерпимо завидно: ему тоже хотелось, как Панков, наступать Дёмочкину на пятки и, как Дёмочкин, в ответ брыкаться.

– Бе-г-о-ом! Бе-го-ом!

Круг всё шире. Кругу уже тесно на той стороне улицы, он захватил сторону Матвея, и теперь ребята пробегают совсем близко от скамейки, и так быстро, что одуванчики, примятые их ногами, не успевают распрямляться. Матвей крепко держит Гамбринуса за ошейник, чтоб не вздумал бежать за ребятами, а они, пробегая мимо, успевают дёрнуть бузиновый куст за ветку и что-нибудь сказать.

Все девочки говорят:

– Какая собачка... Не кусается?

Дёмочкин остановился, задумчиво поглядел синим глазом сквозь ветку и спросил:

– А можно её погладить?

Но кто-то оттащил его за руку. А Панков, проскакивая мимо Матвея, погрозил кулаком и крикнул:

– Тётя Мотя!

И курносый Пискаля, ухмыляясь, тоже пропищал:

– Тётя Мотя!..

Это было очень обидно. Значит, они слышали, как Прабаша зовёт его «Мотенька» да «Мотенька». Выдумала какое-то тёткинское имя!

И когда Пискаля на бегу опять пискнул: «Тетя Мотя!» – Матвей разозлился и скомандовал Гамбринусу:

– Голос!

Гамбринус раскрыл весёлую зубастую пасть и громовым басом объявил: «Гам-гам-гам!» – несмотря на то что сам низенький и на коротких лапах и кусаться не умеет. Зато голос у него как у громадного пса.

Пискля с испуга присел, а все, кто бежал за ним, налетели на него и попадали. Начался писк, визг, барахтанье. Круг распался. Бубен смолк. Матвей поскорей утащил Гамбринуса за калитку, на участок, а калитку запер на деревянную вертушку. Попробуй-ка достань!

Тут пушисто цвела сирень. Они с Гамбринусом постояли в её тени, послушали, как на солнечной улице Пискля хныкал:

– Из-за него у меня шишка сделала-ась!..

Зоя Петровна громко говорила:

– Безобразие! Один отдельный ребёнок срывает занятия целого коллектива! Придётся просить заведующую пожаловаться его родителям.

– У него нет родителей! – пропищал Пискля.

– Тогда бабушке или дедушке! – строго сказала Зоя Петровна.

– Дедушки и бабушки тоже нет! – громко объяснял Панков. – Он живёт на даче у прадедушки и прабабушки. Он из Ленинграда сюда приезжает.

– У него прадедушка чудак: он собирает старые черепки. – Пискля захихикал, растянув рот в улыбке.

– Не чудак, а профессор! – перекричала всех девочка Лана. – Он не простые черепки собирает, а исторические. Он раскапывает города, которые были давным-давно, находит ископаемые вещи и пишет про них научные книги.

Матвей подумал: «И откуда они всё пронюхали?»

– И он в качалке качается! – пискнул Пискля.

– И у них злой петух, он клюётся! – крикнул ещё кто-то.

Стоял ужасный шум.

Наконец Зоя Петровна крикнула громче всех:

– Кто у нас глухой? Для кого вы кричите?!

Сделалось тихо. И тогда Гамбринус чихнул. Этот пёс всегда чихает не вовремя. Ноги у него короткие, и он как чихнёт – так мордой ударяется в пол или в землю. И Матвею его жалко.

– Будь здоров! – приказала Зоя Петровна Панкову, который стоял ближе всех к калитке.

А Дёмочкин нечаянно ответил:

– Спасибо. – И задумчиво спросил: – А как узнать, какой черепок исторический, а какой нет?

– На исторических бывают старинные надписи или рисунки, я по телевизору видела, – сказала Лана.

Эта Лана очень умная, умней всех. Она осенью уже пойдёт в школу.

Тут разговор их прервался, потому что Зоя Петровна вынула из кармана дудку, прижала к губам, и дудка пропела всем известный флотский сигнал:

Бери ложку, бери бак,
Нету ложки – кушай так!

И все побежали завтракать.

Матвей мрачный вернулся на террасу.

Всё уже было убрано со стола, ни крошечки не осталось.

– Где моя кружка с простоквашей? – спросил он громко и сердито. – И плюшка?

Прадед выглянул из-за газеты:

– А что это ты так требовательно с нами разговариваешь, а? Пойди сам на кухню да и съешь свою простоквашу.

Но прабабушка уже тащила кружку и плюшку, радуясь, что недисциплинированный правнук захотел попить-поесть. Она же не знала, не догадывалась, что он, наоборот, очень дисциплинированный человек. И раз уж дудка проиграла: «Бери ложку, бери бак, нету ложки – кушай так!» – у него сразу же проснулся аппетит.

Глава 2

«Поклон от Онфима ко Даниле»

А петух у них и правда клюётся.

Зовут его Вельзевулом не просто так, а потому, что это почти то же самое, что «чёрт». Прадед дал ему такое имя, когда он был ещё цыплёнком, он и вырос таким злым.

Ни одной курицы у них нет, только петух. И то он появился у них совершенно случайно, ещё в прошлом году. Матвей тогда заболел и стал худой, и бабушка из Ленинграда написала сюда прабабушке, что ребёнку (это значит Матвею) нужно варить бульон из свежего мяса. А мясо в магазине продавалось только мороженое. Его морозят в холодильниках, чтобы оно летом, в жару, не портилось. Прабабаша сказала: «Нет уж, лучше я сварю бульон из птицы» – и попросила соседку купить на рынке курицу. А соседка привезла цыплёнка. Оказалось, что она купила живого, смешного и весёлого, и, конечно, никому в голову не пришло варить из него суп, а стали кормить его пшеном, и он у них стал жить.

Прабабушка сказала: «Ладно уж, пусть из него вырастет курица!»

А из него вырос петух. Самый горластый на всей улице Зелёной, с самым красивым хвостом. Может, оттого, что петух рос без всякого коллектива, он вырос сердитым. Не выносит громких разговоров. Как кто крикнет – он клюётся. Пришлось делать на заборе ящик для газет и писем, потому что почтальон отказывается входить на участок. Однажды он вошёл, крикнул: «Почта-а!»-а!

Вельзевул побежал за ним, взлетел и клюнул в ухо. Прабабушка полчаса за этого петуха извинялась.

Сейчас Вельзевул заперт в сарае, потому что на улице Зелёной – футбол. Сотни болельщиков кричат во все глотки, и оттого Вельзевул кукарекает. Игра в разгаре. Идёт второй тайм. Два – ноль в нашу пользу.

«Удар по воротам противника – штанга! Ещё удар! Го-о-о-ол!» – крики, дудят дудки, трещат трещотки...

Но на улице Зелёной, куда ни погляди, ни одного человека. Удары по мячу, крики болельщиков несутся из раскрытых окон домов. Сорок домов на улице и сорок футбольных полей на мерцающих голубых экранах. Далеко отсюда, в чужой стране, на чужом стадионе, сейчас играет команда «Спартак», защищает спортивную честь нашей Родины. И все болельщики с Зелёной улицы: все дачники и местные жители, все мальчишки-школьники, у которых каникулы, и слесарь, и истопник, и сторож в детском саду – все на посту возле телевизора. И прабабушка Матвея и прадед – тоже. И потому у Матвея два часа полной свободы.

Сам Матвей за футбол не болеет. Не болеет, и всё. Он болеет зимой за хоккей с шайбой. И у него есть отличная клюшка. На ней один папин знакомый, взрослый хоккеист, написал шариковой ручкой: «Быстрота и натиск!» Этой клюшке все мальчишки в ленинградском дворе завидовали. Но то – зимние мальчишки. А теперешние, летние, Панков и Пискля, ему даже не поверили. Разговор про клюшку шёл у них через забор: Панков, Дёмочкин и Пискля были в детском саду, а Матвей – на улице. Матвей им рассказал про клюшку и совершенно взрослого хоккеиста.

«Заливаешь!» – сказал тогда Панков. А это значит – врёшь. И только один Дёмочкин ему поверил, Дёмочкин, который всегда задумывается.

Была бы тут у Матвея клюшка, он и на траве показал бы Панкову и Пискле, как он одним махом загоняет шайбу в ворота. Но клюшки нет, и ворот нет, и показывать некому. Матвей бродит по участку. Зачем ему прекрасная свобода, если ему некуда её девать?

Он уже сделал много важных дел. Прыгал на листах железа, сложенных возле сарая. По пожарной лестнице лазал на чердак – хотел понять, почему Вельзевул так любит там ночевать. И походил там немного, просто так. Качался на тонкой рябине. Колотил палкой по бочке. Полная свобода! Прабабушка сейчас всё равно ничего не увидит и не услышит. Когда по телевизору футбол, она про всё забывает. Посуда в раковине – немытая. Чайник на газу выкипает, а однажды весь почернел и прыгал, пока не распаялся. Теперь из-за футбола у них новый чайник, со свистком. Как вскипит, так свистит. На свист прибегает Матвей и выключает газ. А прабабушка думает, что это судьи свистят, и в тревоге спрашивает:

– Кто нарушил? Рукой сыграл? Куда судья глядит, расшферпучился, а не видит! На мыло его!

– Нет такого слова «расшферпучился», – невозмутимо говорит прадед. – И потом, это чайник свистел.

Но Прабабушка отмахивается – она поглощена игрой. Сейчас хоть из пушек стреляй, она не услышит.

– Го-о-о-ол! – торжествующе вопит прабабушка и прыгает на стуле. Мяч бьётся в сетке ворот.

«Го-о-о-ол!» – летит по улице Зелёной, вырываясь из всех окон, ликующий голос комментатора Озерова.

– Го-о-о-ол! – кричат все болельщики.

Три – ноль в нашу пользу.

Матвей хоть и не болеет, но доволен. На радостях он залезает на забор и поливает из шланга соседскую кошку, которая таскает у прабабушки из-под рук мясо и рыбу. Кошка, удивляясь, орёт дурным голосом. Его строгая, заботливая, добрая, справедливая прабабушка, которая жалеет всех животных и даже эту кошку-ворюгу, всё равно ничего не слышит. А прадед, если и услышит, возражать не станет. Он согласен с Матвеем, что человек должен иногда топтать по железу, если ему очень нужно, чтобы был гром и лязг, и, конечно, может полить кошку-ворюгу из шланга. Мужчины всегда понимают друг друга.

Но вот все дела уже переделаны. Теперь Матвей глядит вверх, на верхушки сосен. В эту пору всегда приходят белки. Они тут не живут, они – из леса, который за детским садом. Там протекает узкая речка, но белкам больше нравится пить из бочки, которая стоит возле террасы. То один, то другой рыжий зверёк бежит по веткам сосен, высоко над домиками детского сада, и никогда не спускается туда. Может быть, белок пугает множество детских голосов?

Вот она, белка! Там, на той стороне улицы. Сбежала по стволу и, вытянув пушистый хвост, часто перебирая лапами, пересекает улицу Зелёную. На миг скрылась из глаз и взлетела на калитку Матвея, на тонкий ствол вишни, перекинулась на яблоню, с неё – на сосну у террасы и вот – здравствуй, белка! – сидит на высоком сучке и поглядывает на Гамбринуса, который дрыхнет на крыльце под солнцем. Сейчас будет потеха! Клацая коготками по коре, она спускается к бочке, пьёт, повиснув вниз головой. Напившись, взбирается вверх и на суку шелушит шишку, а чешуйки бросает в пса-лежебоку. Ага, лаешь? Скачешь на задних лапах? Не достанешь!

– Уда-ар! Го-ол! Ура-а! – несётся с террасы, и вся улица отвечает громкими криками. А белки уж и след простыл.

Матвей стоит за калиткой. Он смотрит на ту сторону, наискосок, туда, где кончается забор детского сада и начинается лес. Сегодня старшая группа собирает в лесу шишки. Из них будут делать зверей, человечков, Чебурашек. Шишек надо много – для младшей группы тоже. Матвей видит: на опушке, меж кустов и деревьев, бродят знакомые люди: наклонилась, положила шишку в корзину строгая Зоя Петровна, пробежала девочка с бантами. Матвею тоже хочется собирать шишки, но он обещал прабабушке к детскому саду и на десять шагов не подходить. Конечно, шишек хоть целое ведро можно насобирать и у себя на участке, но зачем отдельный человек будет их ни с того ни с сего собирать?

«...Мяч на правой стороне поля... Сильным ударом кто-то подаёт мяч на штрафную площадку...»

Почему голос Озерова всё приближается? Почему Озеров кричит уже в самое ухо Матвею? На кого злобно рычит Гамбринус, запертый за калиткой?

Матвей в удивлении оборачивается. Рядом с ним стоят рыжая корова и рыжий телок, обедают листочки на молодом вишнёвом деревце, которое прадед посадил на улице. За коровой стоит её хозяин – Матвей знает его. Он живёт в своём доме на той стороне, а по ночам сторожит детский сад, поэтому его зовут сторож. Кроме рыжей коровы с телком у него есть ещё толстая свинья и толстые розовые поросята. Он для них из кухни детского сада носит полные ведра всяких объедков и очистков. И все ребята знают, что поверх забора у него натянута проволока с колючками, чтоб мальчишки к нему за яблоками не лазали...

– Здравствуйте, – вежливо говорит Матвей сторожу.

Но тот не отвечает: наверно, не слышит. Сторож глядит себе на живот. На животе у него висит транзистор. Из транзистора несутся крики. Наша команда атакует ворота противника.

– Давай, давай! – торопит сторож и притоптывает ногой. Непонятно, кого он торопит – футболистов или корову и телка, чтобы живей объедали вишнёвое деревце?

Матвей срывает клочок травы и протягивает маленькому бычку. Тот осторожно берёт траву мягкими губами, потом вдруг дёргает травинки и жуёт. Матвей гладит его шелковистую морду, твёрдые бугорки на лбу, где вырастут рожки.

– Знаете, – говорит Матвей сторожу, – прадед нарочно сюда вишенку посадил, чтоб на улице было красиво, а не чтоб коровы ели.

– Вам-то какая прибыль? Всё одно урожай мальчишки оберут, вам не достанется, – отвечает сторож.

– Ну и пусть. Прадед сказал: весной зацветёт вишня – красота!

Сторож хмыкает:

– Красота! Из неё шубы не сошьёшь.

При чём тут шуба?

– А прадед сказал: красота будет для всех прохожих, – упорствует Матвей.

– Больно добрый твой прадед, – недовольно говорит сторож.

– Да, он добрый, – соглашается Матвей.

– И больно умный, – прибавляет сторож так сердито, словно добрым и умным быть плохо.

– Конечно, умный, – соглашается Матвей.

– Го-ол! – вдруг кричит сторож.

Корова шарахается, бычок скачет, обгоняя её, и сторож идёт вслед за ними дальше по улице и уносит с собой шум и крики стадиона.

Матвей последний раз взглядывает на опушку. Теперь уж никого не видно: все углубились в лес. И вдруг...

И вдруг из кустов вынырнули две фигуры. Пригибаясь, таясь, они пересекают солнечную улицу. Они всё ближе. Конечно, Матвей сразу их узнал: впереди бежит Панков, он тащит за руку Дёмочкина. Кудряшки на Дёмочкине вздрагивают, глаза полны испуга. А кто бежит за ними на тощих ногах? Ну ясно, Пискля! И уже слышно, как он канючит тонким голосом:

– Я с ва-а-ами... А то скажу Зое Петровне-е-е...

Они, запыхавшись, останавливаются возле Матвея. У каждого за пояс заткнута пустая сумка для шишек.

– Пусти скорей, пусти скорей, – говорит Панков, – пусти, пока никто не видел!

Матвей приоткрывает калитку. В щель вихрем вырывается с участка Гамбринус. Он скачет на задних лапах, стараясь лизнуть каждого гостя в нос. Он любит гостей.

– А петух где? – спрашивает Пискля из-за спины Дёмочкина.

– Заперт он в сарае.

Тогда храбрый Пискля вылезает вперёд.

– Мы удрали! – объявляет он.

– Мы бы ещё раньше сбежали, но Дёмочкин задумался, – объясняет Панков.

– Я не задумался, – возражает Дёмочкин, – просто там была божья коровка, и у неё крыло не складывалось. Я помог, и она его спрятала.

– А Писклю никто с нами не звал – он сам увязался, – говорит Панков. – У него уши, как радары на аэродроме, во все стороны крутятся и всё подслушивают. От него не отвяжешься. Ладно уж, возьмём и его? – спрашивает он Матвея.

Матвей очень удивлён. Оказывается, они все вместе должны куда-то брать и Писклю?

– К-куда? – растерянно спрашивает Матвей и крутит вихор на затылке, так что тот встаёт столбиком. – Куда возьмём?

– Туда.

Панков глядит поверх головы Матвея, и Дёмочкин, и Пискля. И Матвей тоже оборачивается. Он видит белку: она сидит на подоконнике светёлки, держит в лапах орех, грызёт, и скорлупки скатываются с подоконника вниз. Прадед всегда насыпает орехов у себя на окошке.

– Туда! – пищит Пискля и тычет вверх пальцем.

– Туда, – кивает Панков и глядит в лицо Матвею по-доброму. – Мы, честное-пречестное, ничего не будем трогать руками. Ты нам покажи разные ископаемые штуки, которые твой прадед собирает, и мы уйдём. Нам только на черепки посмотреть...

Но ведь прадед не позволяет ходить в светёлку без него! Там у него рабочий кабинет. Там стол, заваленный бумагами и фотографиями, там пишущая машинка.

– Он черепки не собирает. Он берёсты собирает – древние берестяные грамоты, письма. Их читать надо, а без этого всё равно не интересно.

– А я умею читать даже самые длинные слова. И писать уже умею, – говорит Панков.

– Мы только посмотрим и уйдём, – тихо просит Дёмочкин и улыбается с такой надеждой, и синие его глаза глядят так просительно, что Матвей сразу понимает: если он не покажет ископаемые штуки, ребята станут самыми несчастными людьми на свете.

И тогда Матвей чувствует горячее, нетерпеливое желание сейчас же, сию минуту сделать их счастливыми.

Он кивает: ладно уж, пошли.

Но едва они делают первый шаг, как их настигает страшный крик.

– Бе-ей! – несётся с террасы. – Да не выкозюливай, а бей!..

И сейчас же из всех окон на улице Зелёной доносится дружный вздох: «Штанга-а!..» И перепугавшиеся ребята понимают: да это же футбол!

– Кто у вас так сильно болеет? – спрашивает Панков, а Дёмочкин и Пискля всё ещё испуганно косятся на террасу.

– Это прабабушка, – отвечает Матвей.

– А у вас цветной телевизор? – спрашивает любопытный Пискля.

– Не-а.

– И у нас нет, – кивает Пискля, – лучше бы я у наших соседей родился: у них цветной. Тут Дёмочкин перевёл испуганные глаза на Матвея.

– Ау вас не пожар? – спрашивает он.

Из распахнутого окна ползут вверх, в зелёные ветки хвои, струи синеватого дыма.

– Не-а... Это моя прабабушка курит.

Ребята с сомнением глядят на террасу.

– Она у тебя какая-то неправильная, твоя прабабка! – удивляется Панков. – За «Спартак» болеет, курит, и слова у неё какие-то неправильные. «Выкозю-ю-ли-вает»... – повторяет он и фыркает.

И Дёмочкин улыбается, и Пискля хихикает – рот от уха до уха. Матвею не нравится, что они смеются.

– Мало ли что она неправильная, – вступается он, – всё равно она стоящая, потому что она очень добрая.

А сам думает: «Если бы она меня тёткинским именем не звала, совсем была бы отличная прабабушка. И ещё – если бы к детсадовскому забору пускала».

На цыпочках, таясь, они обходят дачу.

– Да вы не бойтесь, идёте, – говорит Матвей, – когда футбол, они всё равно ничего не слышат вокруг.

Стараясь не топать, ребята поднимаются по наружной деревянной лестнице. Тут на ступеньках опять их нагоняет вопль:

– Рукой сыграл! Ализам! Ализа-ам!

– Какой ещё «ализам»? – испуганно спрашивает Пискля.

– Это моя прабабушка всегда нарочно слова переворачивает, – объясняет Матвей. – «Ализам» – наоборот получается «мазила».

Они поднимаются по ступенькам, а вслед, из всех окон на улице Зелёной, из сорока телевизоров, с быстротой пулемёта несутся вести со стадиона: «Защитник передаёт мяч нападающему, тот подаёт его обратно, надо бить! Бить надо! А-а! Упущено время. Идёт борьба за мяч. Хорошо! Наши перешли в атаку... Нападающий обводит одного защитника, другого, подаёт на штрафную площадку, удар, штанга! Ещё удар! Го-о-ол!...»

А незваные гости в эту минуту перешагивают порог светёлки под крышей. Сперва они глядят в огромное – во всю стену – окно. На подоконнике уже нет белки – удрала, только скорлупки. На столе, на открытой пишущей машинке, по клавишам прыгает синица, увидала гостей – перелетела за окно на ветку и свистнула. Сосны протягивают в светёлку зелёные лапы. Совсем близко, на чешуйчатом рыжем стволе, в оконце скворечника вертится скворушка, показывает наружу то хвост, то клюв.

Из окна видно далеко. Улица Зелёная как на ладони. Заборы кажутся низкими, просматриваются все площадки и клумбы в детском саду.

– Вот это так наблюдательный пункт! – одобряет Панков.

А Пискля ударяет по клавишам машинки пальцем. Панков отдёргивает его руку и шипит:

– Если ещё хоть раз тронешь, сразу по лестнице кувырком полетишь!

И тут все замечают, что Дёмочкин, зачарованный, стоит у полки. А под стеклом что-то невиданное.

– Тут гляди что-о... – Дёмочкин гладит осторожными пальцами стекло, под ним распластан кусок берёсты. Видно, это очень старая берёста: она потемнела, края сильно искрошились. Она покрыта неровными, странными процарапанными буквами. – А вот ещё-о... – Зачарованный Дёмочкин склоняет кудряшки над стеклом.

Матвей кивает:

– Ага. Это они и есть – берестяные грамоты. Их нашли в земле. Они там пролежали, может, тысячу лет. Знаете где? Под городом Новгородом. Там строили дом, экскаватор копал под него фундамент. И вдруг ковш наткнулся на какие-то брёвна. Стали разглядывать, а это старинные мостовые, бревенчатые... Тогда поскорей позвали моего прадеда и других знаменитых учёных. Приехала целая поисковая экспедиция, археологи. И сделали там раскоп. И знаете, чего раскопали?

Под теперешним городом, под улицами, где люди ходят, под домами, – другой город, древний-предревный. В нём люди жили давным-давно. И там в земле нашлось много старинных вещей. И по ним учёные узнали, кто что в том городе делал. Оказывается, там жили оружейники. Они делали оружие, мечи и ядра для пушек. И жили корабельщики – строили корабли. И кожевники обрабатывали кожи и шили обувь. И мостовщики – они мостили улицы, и ещё разные другие мастера.

И там нашли трубочки. Из берёсты. Они от старости так крепко скрутились – никак не развернёшь. Учёные придумали вымачивать их в горячей воде, чтобы помягчели. А потом осторожно раскрыли и увидали: внутри нацарапаны старинные буквы. Оказалось, это письма, грамоты называются. Их новгородцы писали почти тысячу лет назад...

– А кому писали? – замирая от восторга, спросил Дёмочкин.

– Не тебе! – пропищал Пискаля.

– Друг дружке писали, – объяснил Матвей. – А теперь эти письма получили мы. Прадед их называет – письма из глубины веков.

Под стеклом они старались разобрать буквы. Но только некоторые были знакомы, а другие очень странные, непонятные. Поэтому слова никак не складывались. Но Матвей уже давно знал всё, что тут написано, наизусть.

– «У кого кони, те плохи, а у иных нет. Как, господин, жалуешь крестьян?» – прочитал Матвей. И объяснил, как сам знал от прадеда: – Значит, плохо заботишься, господин барин, о своих крестьянах. У одного кони плохи, у других и совсем нет...

Дёмочкин поглядел на Матвея своими задумчивыми глазами:

– А как же им совсем без коня? Ведь у них ни велосипеда, ни трактора нету...

– Вот и плохо, – подтвердил Панков.

– А чем буквы царапали? – спросил Пискаля.

Матвей знал, чем царапали.

– Палочками острыми. Назывались – писала.

– Можно и гвоздём нацарапать, а лучше – шариковой ручкой, – предложил Пискаля.

Не было тогда шариковых ручек, и бумагу ещё не изобрели. Потому и писали на берёсте. Бестолковый этот Пискаля, ничего не понимает.

– Ты балда, – сказал Панков Пискле.

– Ты са-а-ам... – начал было Пискаля. Но их перебил взволнованный шёпот Дёмочкина:

– Ой, лошадь... Или жираф...

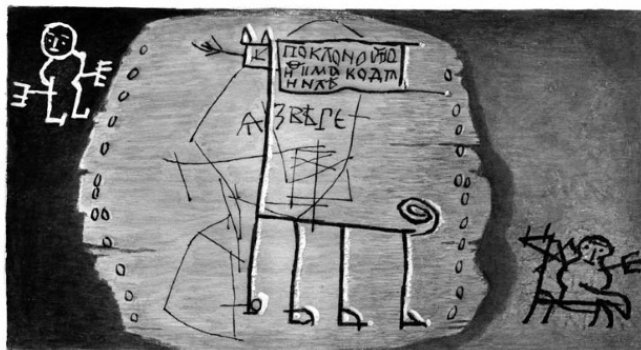
Они поскорей перешли к той берёсте, которую он разглядывал. На ней была нарисована удивительная фигура, и правда, не то лошадь, не то жираф. Туловище длинное, прямое, будто сложено из спичек, и под ним четыре прямые, как спички, ноги – все в ряд. И шея длинная, как у жирафа, но прямая, как палка, а на ней маленькая голова. И только хвост закручен колечком, и рядом плакат, а на плакате нацарапано...

– «Поклон от Онфима ко Даниле», – наизусть прочитал Матвей.

– А кто такой Онфим? – спросил Панков.

– А Данила кто? – спросил Пискаля.

А Дёмочкин задумчиво всё глядел на коня-жирафа, у которого повод стоял сам по себе, как антенна.

Про Онфима Матвей рассказал с удовольствием. Потому что Онфим был мальчик, ученик. Он уже умел писать на своём древнерусском языке, от него осталось много берестяных грамот. А на этой берёсте Онфим написал письмо своему другу Даниле. И нарисовал ему в подарок такую необыкновенную лошадь. Наверно, всё-таки лошадь, а не жирафа, потому что где он мог видеть жирафа? В Новгороде и вокруг они не водятся, зоопарка там ещё не было, и телевизоров тоже не было...

– Про берёсты прадед пишет учёную книгу. Как напишет, так все их отдаст обратно в музей. Они в музее хранятся.

– А где он? – спросил Дёмочкин.

– Кто – музей или прадед? Музей в городе, а прадед футбол смотрит.

– Нет, – Дёмочкин затряс кудряшками, – где Онфим?

Матвей удивился:

– Чудак! Он жил почти тысячу лет назад! Это очень давно. Тогда ещё даже метро не было.

Пискаля хихикнул:

– Подай ему Онфима! Он же исторический!

Панков посмотрел в растерянное лицо Дёмочкина:

– Маленький, что ли, не знаешь? Все люди потом умирают, а рождаются другие.

– А Онфим? – совсем погрузился Дёмочкин.

И вдруг Матвей понял: Дёмочкин хочет, чтоб сейчас, сегодня жил в нашей стране мальчик Онфим, который нарисовал эту весёлую лошадь с закрученным хвостом. Матвею так сильно захотелось утешить Дёмочкина, что он стал быстро рассказывать про Онфима такое, чего и сам раньше не знал. Как вырос Онфим, как стал большим и сильным, как заставил он злых и жадных господ раздать крестьянам самых лучших коней. А когда полезли на Новгород враги, Онфим палил в них чугунными ядрами из чугунных пушек. А в другой раз скакал за врагами на коне и разметал десятерых врагов одной рукой. И он стал богатырём. Гусляры ходили по всей Древней Руси и пели про него песни. И когда он сделался старым-престарым, у него было пятьдесят внуков и сто правнуков. И у него выросла борода до самой земли. Правнуки по ней взбирались к нему на плечи. А Онфиму от них было щекотно ушам, и он хохотал так громко, что все волки, которые подходили к стенам Новгорода, в страхе разбежались...

Грусть сошла с лица Дёмочкина, и он улыбнулся.

И Пискля заулыбался от уха до уха. А Панков посмотрел на Матвея серьёзно и спросил:

– Ты откуда знаешь, что ему было щекотно и что волки?..

– От прадеда, – быстро придумал Матвей, чтобы не огорчать Дёмочкина.

– Ну, тогда так, – согласился Панков. И дёрнул Писклю за руку, потому что Пискля уже пристроился к пишущей машинке и тыкал в клавиши пальцем.

Тут как раз Озеров закричал тонким ликующим голосом: «Го-о-о-ол!» – и вместе с ним закричали на тысячи голосов, зашумели, загудели в дудки болельщики на сорока телевизионных экранах, и прабабушка сообщила с террасы всему белу свету, что встреча закончилась со счётом пять – два в пользу нашей команды. Матвей стал своих гостей подталкивать к выходу. Два часа его свободы кончились, надо было всем пускаться наутёк. Кстати, они увидели в окно, как на другой стороне улицы Зелёной старшая группа вместе с Зоей Петровной входит в калитку детского сада. Нагруженные шишками ребята возвращались из леса. А у Панкова, Дёмочкина и Пискли мешки были пусты.

Все покатались вниз по лестнице, уже не думая о топоте и грохоте, лишь бы поскорей. Напрямик сквозь малинник продрались к калитке, и Матвей запер её за гостями на вертушку. От спешки и волнения он даже вспотел, и рубашка выбилась из штанов. В эту минуту он услышал призывный вопль прабабушки:

– Мо-отенька!

Чтобы она не успела ещё раз прокричать это ненавистное тёткинское имя, он в два прыжка очутился на террасе.

– Вот он, собственной персоной. Никуда не делся, – сказал прадед, высвобождая длинные ноги из-под клетчатого пледа и вылезая из качалки.

Но Прабаша уже щупала мокрый лоб Матвея, уже волновалась:

– Почему ты весь такой расквяканный?

Прадед возмутился, несмотря на свою сдержанность:

– Что за «расквяканный»?! Нет такого слова!

– Ну, разбрюханный, – согласилась прабабушка. – Какая разница? Ребёнок потный, рубашка перекутилась... Может, он болен?

– Я здоров, – сказал Матвей и поправил рубашку. – Я просто...

– А куда ты так торопишься, что даже взмок? – спросил прадед.

– Я... я... – Заикаясь, Матвей наконец сообразил, куда так торопится: – Вельзевула кормить. Он голодный. Из-за футбола, – прибавил он для убедительности.

– Ничего, сейчас твоя прабабка скажет петуху, что мы сыграли пять – два и всыпали хвалёной команде, и он забудет свои обиды! – усмехнулся прадед.

Вместе с прабабушкой Матвей пошёл в сарай сыпать Вельзевулу зерно. Прадед же услышал, что в калитку кто-то стучит, и пошёл открывать. Гамбринус зарычал. За калиткой на улице стояла разгневанная Зоя Петровна.

– Где ваш мальчик? – сказала она вместо «здравствуйте».

– Дома, – спокойно ответил прадед.

– А где мои дети? – ещё громче спросила она. – Трое!

– Простите великодушно, но это надо у вас спросить, – ответил прадед.

– Ваш мальчик их увёл! Сторож видел их возле вашей калитки! – Разгневанная Зоя Петровна наступала на прадеда. – Они у вас!

Гамбринус не любил, когда сердито повышали голос, и потому он предостерегающе рявкнул. Издали, от сарая, раздалось боевое кукареканье Вельзевула.

– Только тебя мне тут не хватало, – сказал про Вельзевула прадед.

А Зоя Петровна приняла это на свой счёт.

– Что-что?! – возмутилась она и стала красная как свёкла.

Но услышала позади себя знакомый голос:

– Зоя Петровна-а-а! Панков все мои шишки в общий мешок пересы-ыпа-ал!

Она живо обернулась. Дети были тут, все трое! Тащили из леса одну сумку шишек. Одну на троих. Лентяи, лодыри! И Пискля, конечно, как всегда, жаловался и хныкал.

– Всё в порядке, нашлись? – улыбнулся прадед.

Но Зоя Петровна не хотела отступать.

– Идите в группу! – приказала она сердито, и дети поскакали в группу. А сама повернулась к прадеду: – Всё равно безобразие! Ваш мальчик отвлекает внимание целого коллектива! Он нам мешает! И ваша длинная собака лает! – Воспитательница неодобрительно взглянула на Гамбринуса и пошла прочь.

– Не лай, прошу тебя, – попросил прадед Гамбринуса. – Ты же не пустолайка, ты же подаёшь голос только в крайних случаях. – И почесал псу ухо.

Для этого ему пришлось наклониться до земли, так как Гамбринус был низенький, а прадед такой высокий, что прабабушка даже говорила: пиджак на нём висит, как на телеграфном столбе.

Гамбринус вежливо лизнул морщинистую загорелую руку прадеда и не стал лаять, хотя ему очень хотелось, потому что он не любил сердитых людей.

А вечером прадед сказал:

– Ну и озорницы эти синицы! Очевидно, прыгали по клавишам и напечатали – ПИС.

И только Матвей знал, что это не синицы, а Пискля напечатал первые буквы своей фамилии – Пискарёв.

Матвей торопится поскорее удрать на улицу. Самое время! Прабабушка как раз ушла с соседкой на рынок. Это та самая соседка, у которой кошка – ворюга...

Глава 3

«Мы с тобой мужчины»

На цыпочках Матвей уже дотянулся до вертушки, чтобы открыть калитку, как вдруг за калиткой засигналила машина.

Дед спустился с террасы и сказал:

– погоди, не уходи. Сейчас будет сюрприз.

А сюрприз – это всегда что-нибудь неожиданное и интересное.

– Какой сюрприз? – быстро спросил Матвей и вместе с прадедом стал открывать ворота.

Грузовичок въезжает задом наперёд, потому что иначе как ему потом развернуться тут, на участке? Он пятится до самого крыльца, и над задними колёсами у него горят красные огоньки. Они обязательно зажигаются у всех машин, когда они дают задний ход.

Гамбринус, запертый прадедом на террасе, стоит там на задних лапах и сквозь стёкла лает на грузовик хриплым басом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.